РАЗДЕЛ XXII. ФИЛОСОФИЯ

Борсяков Ю.И., Никишин С.В.
Культура тела и философия духа

Воронежский государственный педагогический университет
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/sr-10-06-2021-69

Аннотация

Рассуждения о понимании сущности тела и духа на ранних этапах развития человеческой культуры представляют немалую сложность в силу огромного интервала времени, отделяющей их от нас. Тем не менее, база теоретических источников, достаточно многообразна. Это и материальные артефакты первобытного искусства: наскальная живопись, первобытная скульптура, обширные собрания мифов тех племён, что совсем по историческим меркам недавно (XIX-XX вв.) существовали, как и их предки тысячи лет назад – в окружении первозданных лесов и гор, рек и саванн, северной тундры и африканских пустынь. XXI век ещё сохранил живущие в полной или частичной изоляции народы, придерживающиеся образа жизни и ценностей, соответствующих различным этапам развития родоплеменного общества. Отталкиваясь от образа сознания не только как мысленного ока, обозревающего мир, но и как руки, активно прощупывающей его, авторы статьи делают следующий вывод: открытость тела и взаимосвязь его с другими телами, данные в непосредственных ощущениях, связаны у представителей традиционных обществ охотников и собирателей с естественной телесностью сознания и всем Универсумом.

Ключевые слова: культура, дух, тело, сознание, идеальное, человек, деятельность, искусственная среда.

Abstract

Reasoning about the understanding of the essence of the body and spirit in the early stages of the development of human culture is quite difficult due to the huge time interval separating them from us. Nevertheless, the base of theoretical sources is quite diverse. These are also material artefacts of primitive art: rock paintings, primitive sculpture, extensive collections of myths of those tribes that, quite by historical standards, recently (XIX-XX centuries) existed, like their ancestors thousands of years ago-surrounded by pristine forests and mountains, rivers and savannas, northern tundra and African deserts. The twenty-first century has still preserved peoples living in complete or partial isolation, adhering to the way of life and values corresponding to the various stages of the development of tribal society. Starting from the image of consciousness not only as a mental eye that surveys the world, but also as a hand actively probing it, the authors of the article draw the following conclusion: the openness of the body and its relationship with other bodies, given in direct sensations, are associated with the representatives of traditional hunter-gatherer societies with the natural physicality of consciousness and the entire Universe.

Keywords: culture, spirit, body, consciousness, ideal, person, activity, artificial environment.

Рассуждения о понимании сущности тела и духа на ранних этапах развития человеческой культуры представляют немалую сложность в силу бездны времени, отделяющей их от нас. Тем не менее, база теоретических источников, достаточно обширна. Это и материальные артефакты первобытного искусства: наскальная живопись, первобытная скульптура (знаменитые «палеолитические Венеры»); и

обширные собрания мифов тех племён, что совсем по историческим меркам недавно (XIX-XX вв.) существовали, как и их предки тысячи лет назад – в окружении первозданных лесов и гор, буша и саванн, северной тундры и африканских пустынь. Наконец, и в XXI век всё ещё сохраняются живущие в полной или частичной изоляции народы, придерживающиеся образа жизни и ценностей, соответствующих различным этапам развития родоплеменного общества (например, некоторые племена бушменов Калахари, онги и джарава Андаманских островов, ряд папуасских племён, даяки острова Борнео, обитатели островов Амазонии и т.п.)

Таким образом, «полевые наблюдения», а также обширное наследие материальной и духовной культуры первобытного и родоплеменного общества позволяет делать некоторые обобщения относительно статуса тела и духа на заре человеческой истории. Первое, что бросается в глаза – это своеобразная открытость тела окружающей среде. Степень идентификации телесного с данным конкретным «Я» гораздо ниже, чем у представителей доиндустриальной земледельческой и, тем более, технократической цивилизации. Так, бушмены поражали белых умением точно соотнести телесные ощущения, с определёнными событиями, происходящими во внешнем мире. Появляющуюся боль в совершенно здоровом месте собственного тела бушмен с совершенной соотносит со старой раной своего отца [1]. Если боль появляется, значит отец идёт ко мне – с совершенной точностью утверждает бушмен. На теле охотника могут ощущаться чёрные полосы на шкуре антилопы, или в его ногах есть чувство «словно ноги антилопы шуршат в кустах», значит, их стадо близко и можно отправляться на охоту. Э. Каннети делает обобщения такого телесного опыта бушменов: «Самое элементарное заключается здесь в том, что одно тело приравнивается к другому. Тело сына есть тело отца, в результате старая рана обнаруживается в том же самом месте. Тело мужа есть тело жены: ремни, на которых несут сына, давят на те же самые плечи. Тело бушмена есть тело страуса: «блоха» кусает его в том же месте затылка, и он скребет там же». В отношении таких телесных ощущений важна правильная интерпретация. От этого зависит качество жизни отдельного человека, семьи, рода, а иной раз – и сама жизнь. Поэтому «дологическое мышление», вошедшее в научный оборот с подачи Л. Леви-Брюлля, мы можем принять лишь в отношении его отличия от формально-логических, строго выверенных умозаключений. Если же мы будем пользоваться», выработанным в рамках марксистской философии (школа Э.В. Ильенкова) представлением, что сознание представляет «движение» человеческой мысли, осуществляемое как бы «по контуру» действительности, то логика в самом общем смысле предстаёт несколько иной. Если человек мыслит так, что выживает сам и помогает выжить другим, то он правильно движется «по контуру». При этом его соплеменники солидарны с его пониманием, ибо их жизнь – залог этому. Поэтому возможность индивидуального тела превращаться в тело иного, значимого существа является практической предпосылкой выживания. Превращения имеют свою логику. Правда, в строгом смысле, превращения описанные у бушменов, частичны. Они не приводят к полной потере своего «Я». Бушмен понимает, кто таков он сам, откликается на имя, но часть его тела и ощущений – одинаковы с другим существом. В этом смысле, термин «разомкнутость тела» более удобен, но всё ещё не описывает полностью суть первобытной логики частичных превращений тела. Второй аспект – это реальная взаимосвязь телесного.

Многие охотничьи племена в разных концах мира не вполне понятным для нас способом чувствуют, где находится животное, на которое они охотятся и подкрадываются к нему очень близко. Таким образом, то, что в современной психологии называется эмпатией и, в основном, применяются для характеристики эмоционального сопереживания, у традиционных охотников и собирателей проявляется в виде вполне конкретных телесных ощущений, каковые успешно интерпретируются. Народы, живущие «на лоне природы», имеют гораздо меньше прав на ошибку при

добыче пищи, организации кочёвки, установки дома. Поэтому они весьма практичны и оперируют с теми телесными ощущениями, которые помогают им существенно облегчить как собственную жизнь, так и существование коллектива. Практика, в этом отношении – критерий истины телесных ощущений. Если наши чувства и предчувствия способствуют успеху в охоте, схватке, бегстве от опасности, встрече с родственниками и друзьями, то они истинны, закрепляются в коллективном опыте передаётся из поколения — в поколение, ибо сложное дело выживания лучше даётся тем, кто правильно интерпретирует своим телесные пред-ощущения.

Отталкиваясь от образа сознания не только как мысленного ока, обозревающего мир, но и как руки, активно прощупывающей его, мы можем сделать следующий вывод: открытость тела и взаимосвязь его с другими телами, данные в непосредственных ощущениях, связаны у представителей традиционных обществ охотников и собирателей с естественной телесностью сознания. Но эту «телесность» не следует понимать, как жёсткую привязанность индивидуального сознания к индивидуальному телу. Феномен открытости тела указывает на то, что сознание связано с каким-то иным, как это ни парадоксально звучит, не-эгоцентрическим телом. Понимание того, как сознание создаёт идеальные формы, позволяет пролить свет на этот парадокс. Э.В. Ильенков писал, что «идеальное» — это схема (образ) реальной целесообразной деятельности человека с вещами внешнего мира, она и может быть представлена и рассмотрена как особый, абсолютно независимый от устройства «мозга» и его специфических «состояний» объект» [2]. «Схема» взаимодействия человека с реальными вещами среди охотников и собирателей представляется тем более полезной, чем больше она способствует коллективному выживанию. Следовательно, сознательная деятельность членов первобытного и родоплеменного общества направлена на выживание максимального количества «тел» родичей – то есть к родовому телу. Для пра-древних кочевников и охотников это был непреложный факт

Искусственная среда и многоуровневые социальные связи в крупных коллективах, создаваемые людьми со времён возникновения первых прото-государств до наших дней, в течение тысяч лет притупляли телесно-родовую ориентированность сознания. Новые времена, новые отношения в обществе требовали всё большего развития индивидуального «Я», отграничения его от «Мы». Человек более поздних эпох забывает, что привязка к телесному осуществляется не только через собственное тело, но и посредством ощущений, разделённых со своим родом и даже с животными. Эгоисту-единоличнику в современном понимании это не под силу.

Таким образом, мы имеем дело с родовым статусом тела. Человек, испытывающий с родственниками единые телесные ощущения, понимает суть сострадания и иного со-переживания не в фигуральном, но в буквальном смысле (как в примере ощущения сыном старой раны отца). Так индивидуальное тело чувственно расширяется до пределов родового. В этом смысле, термин "превращение" не вполне точен, поскольку не характеризует в полной мере состояние телесной взаимосвязи-посредством-ощущений. Судя по наблюдениям за ещё существующими ныне представителями первобытного или родоплеменного общества, это состояние достаточно устойчиво. Оно воспринимается как полезная норма, поскольку помогает активному общению между родственниками и повышают шансы на охоте, либо позволяют избежать серьёзной опасности.

Приведённые примеры единства (или, по меньшей мере, схожести) ощущений в своём и чужом теле, показывают, тем не менее, что чувство собственного «Я» сохраняется. Однако, это не единственный уровень родовой телесности. В течение всей известной человеческой истории устойчиво проявляется такое состояние взаимосвязи индивидуальной и коллективной психики, как боевой транс. В нём индивидуальное Эго с его жёсткой самоидентификацией может исчезать почти

полностью. В разных культурах для этого есть свои специальные обозначения: «лиса» (волчья ярость) у гомеровских греков, *furog heroicus* (героическое неистовство) у древних Римлян, *Wut* или *Wout galnir* (безумная ярость) у древних скандинавов и т. п. Создатель оригинальной теории боевого транса И. Жордания [3] утверждает, что это состояние, вызываемое ритмичными звуками, коллективным пением и танцами, играет очень важную роль в выживании древних человеческих обществ, поскольку позволяет преодолеть индивидуальный инстинкт самосохранения. Боевому трансу сопутствуют потеря личной идентичности и, соответственно, страха за собственную жизнь («афобия») и нечувствительность к боли («анальгезия»). Смерть одного воина — ничто по сравнению с сохранением популяции, которая является гораздо более важным элементом естественного отбора и борьбы за существование. Поэтому человек, по-видимому, издревле вырабатывал и культивировал механизмы, способствующие преодолению на конкретно-телесном уровне эгоистического инстинкта самосохранения. Способность жертвовать собой и при этом согласованно сражаться с хищниками (леопард, гиены) замечена у многих крупных обезьян: в особенности у шимпанзе и павианов. Это явно даёт их коллективам преимущество в выживании. Древние люди не являлись в этом смысле исключением и передали «науку» боевого транса последующим поколениям — вплоть до наших дней, о чём мы поговорим в дальнейших главах. Для нас важны следующие моменты: транс позволяет не заикливаться на своем теле, а действовать им как инструментом единого целого: отряда бойцов, охотников. Причём экстремальная ситуация смертельной схватки и связанный с ней переход в трансовое состояние могут быть смоделированы. Многочисленные примеры коллективных песен и танцев (в особенности, охотничьих, боевых и шаманских), ритуалы посвящения в воины и охотники являются этому достаточно надежным подтверждением. Тело бойца-в-трансе максимально разомкнуто (его статус низводится до инструментального) и связано с коллективом. Индивидуальное сознание если не исчезает на какое-то время совсем, то оказывается, как бы «на краю» осознания собственного Я и не мешает высокой согласованности коллективного боя. В этом смысле, тело, как мы уже говорили, становится родовым, а, следовательно, бессмертным — во всяком случае, до того момента, пока этот род существует. Со смертью индивида жизнь рода не прекращается, в особенности, если он своей гибелью спасает женщин и детей. Самопожертвование на фоне забвения своего «Я» лишает смысла проблему личной смерти, отменяет её страх, утверждает физическое бессмертие первых человеческих обществ.

Однако, как мы уже говорили выше, телесной взаимосвязью с родовичами дело не ограничивается, и таковая возможна и в отношении животных. Думается, что представления о тотеме, ритуалы перевоплощения в тотемное животное, связанные, зачастую, с инициацией, во многом базируются на открытости тел соплеменников ощущениям животных. Рассмотрим, каким образом родовое тело превращается в тотемное и какое практическое значение это имеет для существования первобытного и родоплеменного общества.

Функции тотема выходят далеко за пределы простого обозначения нечеловеческого (как правило, животного) покровителя того или иного рода. Для начальных этапов развития общества это слишком высокий уровень абстракции, не имеющий непосредственной практической пользы для выживания и преумножения рода. Возможность со-переживания телесных ощущений как с членами своего рода, так и с животными приводит представителя общества охотников и собирателей к простой аналогии: если я со-переживаю с животным, как и с родственником, значит, мы тоже находимся в состоянии кровного родства. Сразу обратим внимание, что «Я» первобытного человека не столь фиксировано на осознании собственной уникальности и стабильности, как Эго наших современников. Наоборот, это текучее психическое образование. Причём оно «размывается» не только телесным со-чувствием в

реальности бодрствования, но и в субъективном плане не менее значимой реальностью сна и трансовых состояний. Если для древнекитайского философа Чжуан-цзы, коему приснилось, что он – бабочка, трудно было разрешить вопрос: он – человек, сновидящий бабочку или наоборот, то для первобытного человека такого вопроса не возникало вообще. Он – одновременно и то, и то, но это было значимо, как правило, не само по себе, а как факт, однозначно показывающий родовое единство людей и животных, растений, дождей и т.п. Сон не менее реален, чем бодрствование, во сне человек претерпевает превращения, потрясающие до самого мировоззренческого основания. Мифы охотников и собирателей часто основаны на реальности сна и демонстрируют нам силу воображения, многократно превосходящую способность большей части людей «индустриального общества» к самостоятельному творению образов. Между тем, воображение – это важнейшая сущностная особенность человека, его продуктивная сила, основа преобразования мира как в сфере идеального, так и в самой «грубой» реальности. Звучащая ныне достаточно банально утверждение, что для изменения жизни нужно начинать с себя, в пра-древние времена имела характер закона развития. Единые с другими существами телесные ощущения в процессе бодрствования и во время сна, подтверждённые ярчайшими грёзами о превращении человека в животных и другие природные объекты, эротическим слиянием с ними, появлением детей от них, – всё это давало не абстракцию единства рода людей с классом природных объектов, но живое переживание тотема, как целого, имеющего силу для изменения мира. Если говорить о личной силе у охотников и собирателей, то это – личная сила тотема. Она имеет конкретных носителей в виде людей и их тотемных сущностей, но также постоянно перетекает между ними, составляет их сущностную взаимосвязь. Причём не только в режиме реального времени, но и за его пределами – за границей смерти – в образе предков. Эта сила перетекает по телам соплеменников и их тотемов, обеспечивает связь с мёртвыми, каковые тоже могут делиться мощью. Но самое главное – они обеспечивают единство рода, где каждый верит, что может изменить мир: преуспеть в охоте, убить врага, придумать новый способ добывания пищи, создать новый полезный предмет, родить и воспитать могучих детей. За это не надо нести непосильной строго индивидуальной ответственности – это просто естественная первобытная пра-логика превращений. Её цель – концентрация могущества в тотемно-родовом целом. Оно может действовать и как единый кулак и как множество самостоятельных сущностей, каковые, тем не менее, прочно укоренены в родовом единстве. Индивидуальная смерть здесь не столь страшна для личности, поскольку воспринимается не как исчезновение, но как превращение в пределах рода и тотема.

Благодаря наличию такой телесной взаимосвязи, одухотворяемой продуктивным воображением, дающим силы для целенаправленных превращений себя и мира, мы вправе говорить о едином переживании тела-тотема, свойственного древним (и некоторым современным) племенам охотников и собирателей. Оно проявлялось во время коллективных трансовых состояний, во время охоты, совместных танцев, перво-песен, уходило в реальность сна, которая, с одной стороны – индивидуальна, но с другой – наполнена общими для всех образами. Переживаемое на уровне конкретных тел вполне определенных людей тотемное родовое целое являет собой одну из первых попыток противодействовать отчуждению: уходы в небытие сущностных сил человека: здоровья (старость) и самой жизни. Превращение, происходящее в рамках родовой и тотемной взаимосвязи – не есть отчуждение. Умершие предки – не чужие и не чуждые, они существуют и обеспечивают бесперебойное течение родовой силы по общему телу тотема. Повторимся, что описанное состояние (которое переживалось нашими предками чрезвычайно ярко) на протяжении десятков тысяч лет служило для коллективного преобразования людьми природы и самих себя через творение культуры

– в её материально-идеальной целостности. Собственно, неразрывная связь рода и тотема – одно из первых выражений этого единства. Воспринималось и использовалось оно с чисто практическими целями, и мы согласны с Е.В. Торчиновым, что можно «только гадать о том, какого рода переживания лежали в [...] основе, поскольку они не стали там осмысленным фактом индивидуального опыта, продолжая существовать на уровне коллективных представлений или проявлений коллективного бессознательного».

Тем не менее, тотемизация тел целого коллектива охотников и собирателей, разомкнутых навстречу ощущениям друг друга, не исключает индивидуальную форму этого же процесса. Многочисленные источники сообщают нам, что шаман способен к личной связи с тотемом, на чём основываются многие шаманские практики. Уникальной особенностью шамана, как убедительно обосновал М. Элиаде, является то что он владеет древней техникой экстаза, или «примитивной психотехникой» (определение Е.В. Торчинова). Богатые исследования шаманского опыта охотников и собирателей (каковой к нач. XXI в., к сожалению, всё больше уходит в прошлое) сходятся в том, что шаман умеет целенаправленно выходить за пределы своего «Я» и терять идентификацию со своим телом. Шаман отправляется в трансперсональное странствие. В этом путешествии он может встретиться с тотемным зверем и даже частично «превратиться» в него. Для соплеменников шамана это могло быть непреложным фактом: так, Ф. Карьялайнен сообщает, что, по мнению остяков, во время камлания их шаман превращался то в медведя, то в птицу и отправлялся в этих образах общаться с духами.

Т.И. Борко перечисляет следующие цели шаманской практики: «стремление получить помощь от тотемного животного»; «получить знание языка зверей, как бы стать своим среди зверей»; «воздействовать на животных, которые подчиняются тотемному предку»; «попытка приобрести способность переходить в иные миры»; «необходимость пройти инициацию через поглощение тотемом – смерть и возрождение в новом качестве»; «расширение объема своих переживаний до уровня вселенной» [4]. Стоит признать, что представленный список весьма внушительный. Термин «примитивный» для психотехники со столь амбициозными целями не вполне удачен. Конечно, позднейшие практики преобразования тела и духа, созданные, например, в рамках систем йоги или цигун, более детально проработаны и дошли до нас в письменных источниках. Однако, их цели, зачастую, даже скромнее, нежели перечисленные выше. Думается, что чукотский или эскимосский шаман или, тем паче, шаман времён неолитической революции не смогли бы столь же логически чётко, как современные учёные, сформулировать, для чего он производит камлание. Но состояния, к каковым шаманы стремятся, связаны с настоящей жизненной необходимостью: успешная охота, переход-посвящение в другой общественный статус, путешествие в мир предков, добрых, либо злых духов с целью спасти больного (выручив его душу), принять судьбоносное для всего рода решение. Для этого шаману недостаточно быть самим собой, он должен стать тотемом. Это превращение не носит чисто воображаемый характер, его нельзя охарактеризовать только исходя из мощного самовнушения. Как минимум, это уже упомянутое нами продуктивное воображение, но на индивидуальном уровне. Шаман не только внушает себе/или подвергающимся инициации, что они – суть тотемное животное, но во время транса он действительно становится тотемом. Это не простое уподобление конкретному животному (если речь идёт о «зверином» тотеме), не нисхождение до уровня животной психики. Шаман в состоянии тотема в психологическом плане – существо преобразованное. Это больше, чем отдельный член рода и больше, чем реальный объект, ставший прообразом для тотема. Это качественно иная сущность – живой тотем. Пока идёт камлание, пока есть транс, происходит его становление в теле одного человека. Суть этого процесса: достижение новой целостности. Тотемизация индивидуального тела, как и тотемизация

родового нужна для того, чтобы обрести могущество в борьбе за жизнь и преодолеть смерть. Если описать это состояния с помощью философских категорий, то наиболее подходящими будут «целое» и «целостность». Переживания шамана расширяются «до объёма вселенной» ради того, чтобы свершить в ней перемены, которые будут на пользу конкретному человеку и всему роду. Тотемный транс – это взгляд на мир с точки зрения целого, с позиций самого мира, а не отдельного, частичного, слабого человека. Так, например, у финно-угорских народов Северного Приуралья вселенная представлялась, в основном, в форме лося: остяки даже карту мира изображали в виде сохатого [5]. Человек предельно целостен в образе тотема, и лишь тогда он поднимается до уровня целого. В его трансe сливаются род и тотем, живые и физически умершие предки; он восстанавливает изначальную целостность. С нашей обыденной точки зрения на линейное течение времени, шаманская трансовая психосоматическая «техника» ведёт к повороту времени вспять – к истокам родового бытия – к жизни вечной. На этом основании М. Элиаде разработал концепцию «священного времени» - моментов бытия, когда методами транса или позднейшего религиозного ритуала сплочённый коллектив людей стремится к обновлению: чтобы вживую, по возможности телесно почувствовать связь с предками - в особенности с перворождёнными (каковые на уровне древних охотников и собирателей не являются людьми). Сердце шамана всегда требует перемен: их вектор – от частного и частичного – к целостному; от отдельного человека - к целому тотему, вмещающего весь мир и, следовательно, владеющего им. Причём этот вектор воплощается в конкретном физическом теле, выполняющем определённые психофизические практики ради достижения заданного состояния. На уровне шаманского транса человек – уже не раб природной борьбы за существование, он примеряет одежды хозяина, закладывает фундамент своего преобразующего могущества. Прошлое (воплощенное в могуществе тотема) становится будущим настоящего и условием все более успешного выживания рода, совершающегося в преобразовании бытия как вовне, так и внутри себя. Шаманские психотехники, в некоторой мере, проливают свет на соотношение индивидуального и родового в древних коллективах и понимание практик, усиливающих роль личности в творении общей истории.

Для современного исследователя шаман в тотемном трансe – это своего рода живая философская категория, в телесной форме предельно обобщающая целостность вселенной. От коллективной тотемизации родового тела разомкнутость тела шамана навстречу тотему существенно отличается тем, что это вполне осознанный факт индивидуального опыта. Причём это факт древнего выражения конкретно-всеобщей сути творческого, преобразующего человеческого опыта.

Что есть тотем? Дух или тело? В исследовательском сообществе тотемизм, в основном, принято относить к одной из древнейших форм духовной культуры. Однако, даже сам термин, заимствованный в конце XVIII в. у индейцев оджибве (алгонкинская языковая группа), обозначал и знак рода, и определённое животное, соответствующее ему. Кроме того, тотем, как мы показывали выше, обеспечивает единство всего клана – и живых его представителей, и умерших предков. Причём, в значительной мере эта тотемно-родовая целостность имеет телесный характер. Мало того, эта целостность - за счёт участия в ней предков – представляет собой родовой хронотоп, (пространственно-временной континуум), поскольку удерживает в себе ушедших из мира живых родственников. В связи с этим, неудивительно, что во многих традиционных культах в различных уголках мира считается, что предки в буквальном смысле возрождаются в потомках. И доказательством этому служит сходство физического облика потомков и предков. Время существования рода в процессе подобной реинкарнации как бы замыкается само на себя, приобретает не линейную, но спиралевидную структуру, поскольку предок, воплотившийся в младенца, в основном лишался всех социальных

привилегий, которые некогда связаны были с его почтенным возрастом и опытом. У новой реинкарнации есть шансы и улучшить, и ухудшить свой статус.

Однако, решение проблемы сохранения умерших в структуре родовых отношений гораздо сложнее, нежели древняя убежденность в реинкарнации. Думается, что процесс разрешения этой проблемы был сопряжён с развитием представлений о душе. До конца мы, наверное, ход этого дела никогда не восстановим, но основные его коллизии чрезвычайно важны для нашего исследования. Суть проблемы коренится, на наш взгляд, в той целостности тотема и рода, тотема и его выдающихся членов (шаманов). Смерть родственника – это нарушение целостности. Причём не на некоем мистическом уровне. В силу отсутствия письменности у древних, память человека была основным носителем его жизненного опыта, зачастую, чрезвычайно ценного для соплеменников. Кроме того, от сохранения целостности коллектива зависело выживание охотников и собирателей. Смерть могла пошатнуть налаженный ритм жизни, в особенности, если умерший играл важную роль в обществе, либо уходило в небытие сразу несколько ключевых фигур. Наконец, за счёт того, что мы назвали выше «телесной разомкнутостью», открытостью собственного тела ощущениям родственников, смерть переживалась как физическое лишение. Со-страдание, в этом смысле, также имеет прямое значение. Недаром и ныне она характеризуется словами «утрата» и «пустота», что имеет для оставшихся в живых, отнюдь, не фигуральное значение.

В силу перечисленных причин, древние охотники и собиратели стремились восстановить целостность. Поскольку прямое физическое воскрешение невозможно, следовало искать другие «пути». На них формируется, на наш взгляд, понятие души и становится применима категория «духовное».

Душа как бессмертная единичность, удерживающая в себе наилучшие свойства личности, появляется по историческим меркам достаточно поздно: в иудаизме, христианстве, исламе, индуизме. Для сообществ, чьи верования укоренены в «классических» анимистических представлениях родо-племенного строя охотников и собирателей, вопрос о единственной автономной душе непрактичен. Душа – это, в первую очередь, посредник между живыми и мёртвыми, между людьми и животными, людьми и жизненно важными природными объектами, явлениями (горы, моря, реки, деревья, гроза, дождь, суховей и т.п.). Одним из важнейших аспектов анимизма является творение коммуникационной среды между всеми сущностями этого мира. Шаман или человек, берущий на себя его функции, нуждается в ней. Всеобщая одушевленность мира – это неперемное условие для путешествий шамана. «Путь» к предкам, животным, дождям лежит по водам духовного океана. Поэтому сначала сформулируем основные требования к этой среде, которые необходимы для создания и сохранения родового хронотопа.

1. Канетти Э. Превращение (Перевод Ионин Л.Г.). // Проблема человека в западной философии. / Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Издательство «Прогресс», 1988. - С.487.
2. Ильенков Э.В. Проблема идеального (электронный ресурс) – Режим доступа: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/vf/prideala.html> Искусственная
3. Jordania Joseph Why Do People Sing? Music in Human Evolution. Tbilisi: The publishing programm LOGOS, 2011.
4. Т.И. Борко Мотивационная семантика в структуре архетипного сознания (на примере исследования мифологии «превращения» в зверя шаманизме)// Вестник ЮУрГУ, Серия «Психология». – 2012. - № 6. – С. 21
5. Ашихмина Л.И. О картинах мира у населения Северного Приуралья в древности / Природа и цивилизация. Реки и культуры. – СПб.: Европ. дом, 1997. – С. 182–186.